

современной фольклористики Советского Союза», как об этом верно сказано в резолюции симпозиума.

Н. С. ПОЛИЩУК
Институт этнографии АН СССР

Место и роль фольклора в духовной культуре промышленных рабочих

Определение места и роли фольклора в духовной культуре рабочих — важное звено как в исследовании протекающих в ней процессов, так и в выявлении основных тенденций развития фольклора, его судьбы в промышленно развитых странах.

К сожалению, разработка данной проблематики затрудняется отсутствием необходимой источниковой базы. Систематическое собирание и изучение рабочего фольклора на протяжении многих десятилетий ведется только на Урале. В остальных промышленных центрах, причем не во всех¹, он привлекал внимание фольклористов, главным образом, во второй половине 1920-х и особенно в 1930-е годы, когда стала создаваться «История фабрик и заводов». В последующие годы собирание рабочего фольклора, преимущественно дореволюционного, всюду, кроме Урала, велось периодически, отдельными фольклористами и энтузиастами². При этом порою предпочтение отдавалось какому-либо одному жанру, в соответствии с научными интересами исследователей. В целом собрано немало и имеется довольно много публикаций, архивных коллекций, хотя сопоставимых материалов недостаточно, так как они собирались по разным программам, в разное время и с разными целями. Собираание велось вне контекста духовной культуры советских рабочих, их праздничного и повседневного быта, а также песенного и прозаического репертуара, не говоря уж об устном репертуаре остального городского населения, оказывающем значительное воздействие на репертуар рабочих.

Удельный вес и роль фольклора в духовной культуре рабочих на протяжении последнего столетия определились рядом обстоятельств. Главными, заслуживающими, на наш взгляд, пристального внимания, являются следующие:

1) особенности формирования рабочих кадров в том или ином промышленном районе и на конкретном предприятии (в

¹ См.: Русский фольклор: Библиогр. указ., 1917—1944 /Сост. М. Я. Мельц. Л., 1966. С. 206—211, 389—396.

² То же. 1945—1959. Л., 1961. С. 130—131, 219—244; То же. 1960—1965. Л., 1967. С. 91, 220—230; То же. 1966—1975. Л., 1984, Ч. 1. С. 73, 236—242.

первую очередь, соотношение потомственных рабочих и недавних выходцев из других слоев городского и сельского населения, а также мигрантов из ближних и дальних губерний в дореволюционный период, из различных областей и республик — в наши дни);

2) участие в революционном движении (для прошлого);

3) уровень грамотности (а он зависит от потребностей производства и еще в 1950-е годы существенно различался у рабочих не только разных отраслей промышленности, но подчас и разных цехов одного предприятия);

4) характер духовных запросов рабочих, особенности культурной и общественной жизни соответствующих промышленных городов и фабрично-заводских и рудничных поселков;

5) локальные и профессиональные традиции проведения досуга;

6) участие в самодеятельности и характер работы местных культурно-просветительных учреждений;

7) близость крупных культурных центров и, наконец,

8) отношение (степень интереса) к фольклору в стране в целом.

В дореволюционный период наибольшее влияние на судьбы фольклора в рабочей среде оказали два фактора: распространение грамотности, вызвавшее повышение общего уровня культуры рабочих и расширение их культурных запросов, а также участие в массовом пролетарском движении, способствовавшее изменению мировоззрения и тем самым духовного облика рабочего.

С конца XIX в. благодаря росту грамотности усиливается интерес рабочих к чтению книг и отчасти газет, особенно среди молодежи, где процент грамотных был значительно выше, чем в старших возрастных группах. Наряду с индивидуальным чтением в рабочей среде широкое распространение получило и коллективное чтение вслух для других, часто «для развлечения». Оно практиковалось и в отдельных рабочих семьях (чтецами здесь чаще всего выступали дети-школьники), и в рабочих «артелях», живших в фабричных казармах, рудничных и приисковых бараках и балаганах, в наемных, так называемых «вольных» квартирах. В широком распространении этого обычая немалую роль, видимо, сыграло то, что в рабочей среде остро ощущалась нехватка и «грамотеев», и книг. Возрастающая популярность чтения, несомненно, вела к снижению удельного веса фольклора в духовной культуре рабочих. Однако влияние чтения на судьбы фольклора было двояким. Сужая сферу бытования фольклора (главным образом устной прозы), оно вместе с тем обогащало его новыми сюжетами, мотивами, образами, почерпнутыми из прочитанных или прослушанных книг.

Повышение уровня образованности и общей культуры рабочих оказывало значительное воздействие и на характер их

поэтического творчества. Так, рабочие песни конца 1890-х — начала 1900-х годов отличались от песен предшествующего периода не только содержанием, но и формой. Как известно, по метрике, ритмике, разработке сюжета и композиции они ближе к литературной, чем к традиционной народной песне.

Еще большее влияние на структуру духовной культуры рабочих оказывало участие в революционном движении. Способствуя росту классового самосознания, оно порождало у рабочих новые запросы, усиливало тягу к самообразованию, меняло быт, формы проведения досуга. Едва ли не большую часть досуга активные участники революционного движения посвящали чтению книг, отобранных «под социальным углом зрения». Особой любовью пользовалась революционная поэзия, которая прочно вошла в устно-поэтический репертуар рабочих, став его отличительной чертой.

В структуре духовной культуры передовых рабочих удельный вес фольклора был наиболее низким. В сфере «потребления» его значительно потеснили чтение книг, журналов и газет, исполнение произведений революционной и рабочей поэзии, в том числе и собственных стихов (они звучали на дружеских вечеринках, сходках, маевках), участие в театральных и музыкальных кружках и пр. В сфере же «воспроизводства» искусства слова эта часть рабочих отдавала предпочтение индивидуальному литературному творчеству, которое часто выливалось в форму стихотворных корреспонденций. Часть таких стихов, опубликованных в партийной и профсоюзной печати, как известно, приобретала широкую известность среди рабочих, бытуя порой и в качестве песен.

К концу XIX в. фольклор в среде рабочих постепенно утратил часть своих функций. **Из основной формы** (какой он был еще в середине века, когда подавляющее большинство рабочих было неграмотным) **он превратился в одну из форм проявления творческих сил рабочего класса** (наряду с письменной рабочей литературой).

Таким образом, постепенное повышение культурного уровня рабочих и рост их классового самосознания вели к снижению удельного веса фольклора в духовной культуре рабочего класса. Процесс этот, начавшийся еще во второй половине XIX в.³, особенно активизировался в советский период. Но теперь наибольшее влияние на судьбы фольклора в рабочей среде оказывает культурная и научно-техническая революция. Результаты последней стали особенно ощутимы в 1970-е годы, когда ряды рабочего класса пополнились десятками миллионов юношей и

³ Подробнее см.: *Полищук Н. С.* Место и роль фольклора в духовной культуре русских рабочих в дооктябрьский период: (к постановке вопроса и методике исследования) // *Etnografie delnictva*. VIII. Praha, 1977. S. 211—221 (Narodopisna kniznice. 17).

девушек, имеющих среднее образование. Это не могло не повлиять на структуру духовной культуры рабочих, вызвав, в частности, неуклонное снижение в ней удельного веса традиционного фольклора (в первую очередь в сфере его «воспроизводства»). С различной степенью интенсивности этот процесс развивается в разных промышленных районах, в разных профессиональных и половозрастных группах. Меняется содержание фольклора, жанровый состав и сами жанры, на что неоднократно указывали собиратели и исследователи рабочего фольклора (П. М. Соболев, Ю. А. Самарин, А. П. Пруссаков, Р. Р. Гельгардт, В. П. Кругляшова, А. И. Лазарев и др.).

В сфере «потребления» духовной культуры, структура которой у рабочих становится все более сложной, фольклор значительно потеснили увлечение чтением, участие в клубной работе, посещение кино, различных выставок, музеев, театров, концертных залов, а также широкое внедрение в быт технических средств массовой информации (радио, телевидения) и звукопроизводящей аппаратуры — сначала патефонов, затем радиол и проигрывателей и, наконец, магнитофонов.

В сфере творческой все больше рабочих отдают предпочтение различным видам самодеятельности. Многие занимаются в литературных кружках и студиях при рабочих клубах, домах и дворцах культуры, в литературных объединениях при заводских многотиражках, районных и городских газетах. Первые такие кружки уже в 1920-е годы стали возникать в рабочих районах Москвы, в Донбассе, на Урале⁴. Тогда были опубликованы и первые сборники произведений литкружковцев⁵.

В 1920-е годы при рабочих клубах стали появляться первые кружки ИЗО. Сейчас их сотни. В них занимаются тысячи самодеятельных художников, графиков, скульпторов, резчиков по камню и дереву, чеканщиков и т. д. В наше время десятки тысяч рабочих увлекаются фото- и кинолюбительством, которому отдают все свободное время. Но наиболее популярными в рабочей среде по-прежнему остаются драматические, музыкальные, хоровые, вокально-инструментальные, танцевальные и прочие исполнительские самодеятельные коллективы. Диапазон их, а также клубов по интересам год от года становится все шире и

⁴ См., например: Хамовнический рабочий районный литкружок //Рабочий читатель. 1925. № 1. С. 29; Горбатов Бор. Забой (Донбасс)//Там же. № 2. С. 31; Он же. Мина. Красная рабкорка (Замоскворецье) //Там же; Поликарпов М. Литкружок «Вагранка» (Рогожско-Симоновский р-н)//Там же. С. 32; Гальцева Л. П. Из истории литературного объединения «Мартен»// Первые уральские «Бирюковские чтения»: Докл. и сообщ. Челябинск, 1974. С. 96—105; Крупянская В. Ю., Будина О. Р., Полищук Н. С., Юхнева Н. В. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917—1970). М., 1974. С. 279—287.

⁵ См., напр.: Поэзия рабочих профессий /Под ред. Б. Волина. М., 1924; Шорох ремней: Рассказы и стихи поэтов-рабочих. М., 1924.

разнообразнее⁶. Однако, как правило, самодельные артисты, даже те, кто поет в народных хорах и танцует в ансамблях народного танца, ориентируются не на народные традиции, а на профессиональное искусство.

На наш взгляд, прав Р. Р. Гельгардт, утверждая, что «в современном индустриальном обществе уже нет таких слоев населения или социальных групп, для которых устное словесно-художественное творчество, его жанровые формы и типичные для него образы, приемы поэтики и стилистики оставались бы главным способом или средством идейного и эстетического воспитания»⁷. Попутно заметим, что уже в 1920-е годы некоторые фольклористы отмечали, что в рабочей среде «старый поэтический мир изжит»⁸, что «среди рабочих наблюдается большая тяга к книжному поэтическому творчеству; многочисленные поэты и поэтессы — уже с помощью бумаги и карандаша или чернил — создают свои стихотворения, и некоторые из этих поэтических опытов через стенную газету, местную периодическую печать или путем списывания приобретают широкую известность в песенном употреблении. Образцами для современных рабочих поэтов служат не памятники фольклора, а произведения книжной поэзии»⁹. Правда, в последние 10—15 лет наблюдается своего рода взрыв интереса к фольклору, по-прежнему являющемуся одним из каналов приобщения к традиционной народной культуре. Ярким проявлением этого интереса может служить и рост спроса на пластинки с записями народных песен и музыки, и появление едва ли не во всех рабочих клубах, домах и дворцах культуры хоров народной песни и коллективов народного танца, а в некоторых из них и фольклорно-этнографических ансамблей. Однако присущий нашему времени повышенный интерес к народной песне и традиционным обрядам (свадебным и некоторым календарным), обретающим новую жизнь на сцене, не противоречит тенденции, наметившейся еще в прошлом столетии. Расширяется, главным образом, сфера «потребления» фольклора. Пока трудно сказать, войдет ли традиционный фольклор опять в быт (уже в качестве «вторичной» формы культуры¹⁰), и если войдет, то насколько широко и в

⁶ См., напр.: *Крупянская В. Ю., Будина О. Р., Полищук Н. С., Юхнева Н. В.* Культура и быт горняков... С. 256, 258—273.

⁷ *Гельгардт Р. Р.* К вопросу о лингвистической основе фольклора и его культурно-историческом статусе // *Вопр. лексикологии, стилистики и грамматики в аспекте общего языкознания.* Калинин, 1977. С. 30.

⁸ *Смирнов-Кутаческий А. М.* В щелочах и кислотах: Из материалов студ. экскурсии на Константиин. нефтеперегон. з-д Ярослав. губ. // *Новый мир*, 1927. № 7. С. 201.

⁹ *Соболев П. М.* Современный фабрично-заводской фольклор: (Заметки) // *Печать и революция.* 1929. № 6. С. 94.

¹⁰ Подробнее см.: *Чистов К. В.* Традиционные и «вторичные» формы культуры // *Расы и народы: Соврем. этн. и расовые пробл.: Ежегодник.* М., 1975. Вып. 5. С. 32—41.

какой форме (в локальной традиции или в обобщенной, общенациональной форме). Характерно, что на самодеятельной и профессиональной сцене даже в старых промышленных центрах представлен преимущественно традиционный общенародный фольклор. Собственно же рабочий фольклор, как правило, остается вне поля зрения руководителей хоров народной песни¹¹. И мне кажется, долг фольклористов (музыковедов и филологов) способствовать включению в репертуар народных хоров промышленных районов лучших рабочих песен и частушек разного времени, чтобы новые поколения советских людей приобщались к истокам пролетарской культуры.

Мне представляется, что в наше время, когда удельный вес фольклора (как собственно рабочего, так и общенародного) в духовной культуре рабочих неуклонно снижается, необходимо особое внимание обратить на изучение устного репертуара рабочих в полном объеме, фиксируя все, что они поют и рассказывают, вне зависимости от генезиса произведений. При этом очень важно четко различать понятия «рабочий фольклор» и «устный репертуар». Подмена одного понятия другим ведет к принципиальной ошибке, на что уже обращал внимание Р. Р. Гельдгардт, писавший еще в 1963 году: «Если рабочим фольклором называть все, что поют и рассказывают люди, профессионально занимающиеся трудом и принадлежащие к рабочему классу (т. е. репертуар.— *Н. П.*), то утратятся представления о специфике данной **социальной разновидности народного искусства** (выделено мной.— *Н. П.*). В таком случае понятие рабочего фольклора становится излишним, и для науки о народном поэтическом творчестве оно вообще утрачивает смысл»¹².

Устный репертуар — явление сложное, исторически и социально обусловленное. В нем постоянно происходят изменения, подчас малозаметные, — что-то отмирает, что-то рождается, что-то заимствуется... При этом из активного бытования уходят не только отдельные произведения, но и целые жанры (былины, духовные стихи, заговоры, обрядовая поэзия и пр.). На смену им приходят другие, лучше, полнее отвечающие изменившимся запросам народа (частушка, анекдот, «гитарные» песни и т. п.). Видимо, каждая социально-экономическая формация и порождаемый ею уровень культуры народных масс вызывают к жизни те или иные жанры народного творчества или делают их доминирующими. Поэтому объективная характеристика современного состояния устного репертуара невозможна без четкой дифференциации его активного фонда и пассивного, удачно названного

¹¹ Исключение составляют хоры ветеранов революции и партии, хоры старых рабочих. Однако это, как правило, хоры не народной, а авторской, литературной, политической песни. Акцент в них делается не на рабочий фольклор, а на революционную и политическую песню XIX—XX в.

¹² Гельдгардт Р. Р. Об изучении рабочего фольклора // Русский фольклор: Народная поэзия славян. Т. 8. М.; Л., 1963. С. 216.

Р. Р. Гельгардтом «потенциалом», напоминающим фонд пассивной лексики¹³. Если активный фонд отражает главным образом день сегодняшний, то пассивный, как правило, характеризует более или менее отдаленные времена, что и определяет его особую ценность в качестве источника при разного рода исторических реконструкциях устного репертуара, фольклора и духовной культуры в целом. При изучении современного репертуара первостепенное значение приобретает фиксация активного фонда. На важность записи «фактического материала, бытующего среди рабочих коллективов», указывал и известный собиратель современного молдавского фольклора Г. И. Спатару, считающий, что именно «этот достоверный материал, живой, активный, а не пассивный, должен явиться основой всех исследований»¹⁴. При отсутствии же четкого разграничения между песенно-прозаическим «потенциалом», исполняемым специально для собирателя (часто по его настоятельной просьбе), и активно бытующими произведениями картина может получиться искаженной.

Следует заметить, что устный репертуар рабочих изначально отличался известной пестротой и противоречивостью, сохранившимися до наших дней. Одной из причин их были контакты с представителями других классов и сословий, способствовавшие постоянному пополнению песенного и прозаического репертуара рабочих произведениями, популярными в иной социальной среде¹⁵. Еще более «открытым» устный репертуар рабочих стал в настоящее время, для которого характерны широкие и разносторонние связи представителей различных социально-профессиональных групп (на производстве, в общественных организациях, в творческих коллективах, наконец, в кругу семьи). Результатом их является все большее сближение устного репертуара рабочих с репертуаром разных социальных групп и слоев городского населения. Наиболее активно этот процесс идет среди рабочей молодежи, особенно в новых, недавно возникших промышленных городах и поселках. Поэтому, чтобы выявить специфику современного устного репертуара рабочих (в первую очередь молодежи), его следует рассматривать на фоне общегородского репертуара. Для этого необходимо сочетать массовые обследования на отдельных предприятиях, охватывающие все категории рабочих (включая ИТР и служащих) и членов их семей, вне зависимости от социального статуса последних, с выборочными обследованиями среди других социальных групп городского населения. При изолированном же (обособленном) изучении уст-

¹³ Гельгардт Р. Р. К вопросу о лингвистической основе фольклора и его культурно-историческом статусе. С. 30.

¹⁴ Рабочий фольклор, его собирание и изучение // Фольклор Урала: Рабочий фольклор. Свердловск, 1978. С. 15.

¹⁵ Подробнее см.: Полищук Н. С. Отражение самосознания рабочих в их песенном репертуаре // Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М., 1970. С. 164—180.

ного репертуара рабочих возникает опасность принять общее (локальное) за частное (присущее только рабочим).

Устный репертуар — важное звено в исследовании духовной культуры любого класса, любого социального слоя. Он отражает не только уровень культуры его носителей, их эстетические запросы, веяния моды, но и духовный мир людей (их идеалы, нравственный облик, мировоззрение). По возможности исчерпывающая фиксация устного репертуара представителей разных половозрастных групп (мужчин и женщин, подростков и молодежи, представителей среднего и старшего поколений) даст возможность выявить степень сохранности репертуара, традиционного для данной местности (или отдельной семьи), для конкретного предприятия или целой отрасли, а также общенародного; принципы отбора произведений из современного зарубежного, общесоюзного, республиканского и регионального репертуара, а также из репертуара контактирующих этносов; степень следования меняющейся моде.

По традиции, сложившейся еще в 1930-е годы, большинство собирателей основное внимание в ходе полевых исследований уделяют выявлению традиционного общенародного и старого рабочего фольклора, забывая порой о том, что **в наше время фольклор оттеснен на периферию духовной культуры рабочих и не он ее определяет**¹⁶. Поэтому так важно тщательно фиксировать весь устный репертуар рабочих, в том числе, разумеется, и потенциальный, учитывая и такие косвенные источники, как альбомы-песенники, тетради для записи афоризмов и анекдотов, фонотеки, песенники и фольклорные сборники, имеющиеся в доме (выясняя формы и степень использования их в быту). Для получения более полной картины следует также знакомиться с многотиражками предприятий и цеховыми стенгазетами, так как в них нередко помещаются фольклорные и близкие к фольклору материалы — стихи, песни, рассказы рабочих, анекдоты на производственные и бытовые темы, различные меткие речения, злободневные сатирические куплеты. На ценность этого источника указывали уже первые исследователи рабочего фольклора¹⁷.

При составлении плана полевых исследований желательно включать в число объектов сбора материалов турбазы, базы отдыха и профилактории, а также дома отдыха и санатории отдельных предприятий и отраслей промышленности. Именно там, на досуге, происходит наиболее активный обмен песенным и

¹⁶ Еще в 1927 г. А. М. Смирнов-Кутаческий отмечал, что традиционный фольклор в рабочей среде «скорее археология, чем живая поэзия, и больше может служить для характеристики бытовавшего и уже исчезнувшего фольклора (См.: *Смирнов-Кутаческий А. М. В щелочах и кислотах... С. 200*).

¹⁷ См., напр.: *Смирнов-Кутаческий А. М. В щелочах и кислотах... С. 200; Соболев П. М. О песенном репертуаре современной фабрики: (По материалам, собранным в Орехово-Зуевском у. Моск. губ.) // Учен. зап. ин-та яз. и лит. Росс. ассоц. науч.-исслед. ин-тов обществ. наук. 1928. Т. 2. С. 67—69.*

особенно прозаическим репертуаром, в ходе которого легко выявить его локальные и половозрастные различия. Изучение репертуара здесь может быть более эффективным, чем в городе или промышленном поселке, где он, как правило, выявляется в искусственной обстановке, зачастую в результате целенаправленных расспросов, что создает опасность «перекоса» в ту или иную сторону в зависимости от научных интересов собирателя и задач экспедиции. Значительный опыт изучения репертуара, главным образом песенного, в местах отдыха рабочих был накоплен еще в конце 1920-х — начале 1930-х годов¹⁸, но в последующие десятилетия он, к сожалению, был фактически забыт.

И, наконец, чтобы проследить репертуар в динамике, необходимы повторные исследования через 10—15 лет.

Итак, только владея сопоставимым материалом, собранным по единой программе и приближенно в одно время в разных промышленных районах (старых и недавно возникших), можно с достаточной объективностью раскрыть роль фольклора и самодетельного творчества в духовной культуре советских рабочих, а также роль рабочих в хранении и изменении фольклорных традиций, являющихся своего рода мостом из прошлого в настоящее и способствующих сохранению национальной культуры.

В. П. КРУГЛЯШОВА
Уральский университет

Теория и методика изучения роли фольклора в духовной культуре современных рабочих

Советская фольклористика развивается на путях исторического исследования фольклора. Совершенствование методики изучения рабочего фольклора предполагает системное его осмысление как целостной и своеобразной части духовной культуры общества.

В овладении приемами системного анализа помогают исследования 1970—80-х годов¹. В них содержатся теоретические и методические рекомендации для изучения как фольклора в целом, так и отдельных его родов и видов. В смежных с фольклористи-

¹⁸ См., напр.; материалы Уральской экспедиции РАНИОН (1929 г.), работавшей под руководством П. М. Соболева (ЦГАЛИ. Ф. 1526), а также *Борисевич А.* Из дневника начальника фольклорной экспедиции // *Наступление* (Смоленск). 1935. № 4—5. С. 140—150.

¹ Фольклор: Поэтическая система. М., 1977; Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР: Поэтика и стилистика. М., 1980; Фольклор: Поэтика и традиция. М., 1982; Фольклор: Образ и поэтическое слово в контексте. М., 1984.